

Исраилова А. Т.

**О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ
СОЦИАЛ – ДЕМОКРАТИИ**

A. T. Israilova

ON THE FOREIGN POLICY IDEOLOGY OF MODERN SOCIAL DEMOCRACY

УДК: 342/113

В данной статье рассматриваются о внешнеполитической идеологии современной социал – демократии.

This article discusses about the foreign policy ideology of modern social democracy.

Одним из наиболее влиятельных политических движений, ориентирующихся на социалистические ценности, является социал-демократия. Важнейшими составляющими демократического социализма как идеологии и политической стратегии являются четыре основные цели: политическая демократия, экономическая демократия, социальная демократия и международная демократия.

Социал-демократы активно выступают за поиск новых решений многочисленных проблем современного мира, мирных путей урегулирования внутренних и международных конфликтов.¹

В 70-80-х гг. прошлого века была достигнута разрядка международной напряженности, то есть «оттепель» в холодной войне, благодаря именно усилиям социал-демократии, в частности, выдающегося социал-демократа, тогдашнего канцлера ФРГ Вилли Брандта. Брандт тогда выдвинул парадоксальный для того времени тезис, поскольку надежда на Запад завела страну в тупик. Он считал, что объединение Германии, может быть достигнуто путем германского примирения с коммунистическим миром.

Он настаивал на том, чтобы его страна признала восточногерманское государство ГДР, согласилась с польской границей (по линии Одер-Нейссе) и улучшила отношения с Советским Союзом. А когда ослабеет напряженность в отношениях между Востоком и Западом, Советский Союз, не исключено, окажется гораздо менее жестким в вопросах объединения, - считал Брандт. Разумная «восточная политика» Брандта принесла с собой договоры о дружбе между Западной Германией и Польшей, между Западной и Восточной Германией и между Западной Германией и Советским Союзом. То, что СССР делал такой упор на признание Западной Германией границ, установленных Сталиным, на деле являлось признаком искренних устремлений советского руководства к миру и разрядке. В конце концов так и получилось.

30 июля 1 августа 1975 года в Хельсинки проходил заключительный этап Совещания по безопасности сотрудничеству в Европе. Это была

самая большая встреча глав европейских стран после Венского конгресса 1814-1815 года, но на этот раз с участием США и Канады. Всего в ней участвовало 35 стран.

После Второй мировой войны европейцы, проанализировав собственный исторический опыт, сделали вывод о необходимости развивать наднациональные формы кооперации и сотрудничества. На протяжении последних 50 лет этот процесс является главным содержанием континентальной политики, он привел к возникновению уникальной международной среды, основанной на разрешении межгосударственных противоречий и реализации национальных участников только и исключительно путем многостороннего сотрудничества. Это, во-первых.

Во-вторых, Евросоюз, определенный бывшим председателем Еврокомиссии Жаком Делором как «неопознанный политический объект» является исключительно сложным для анализа в рамках одной теоретической парадигмы. В настоящее время ЕС сочетает в себе черты протофедерации, продвинутого международного объединения (союза), международного режима.

В-третьих, национальные государства (страны - члены ЕС) остаются единственными источниками легитимности, обладателями суверенных прав и выгод - получателями общеевропейского проекта. Институты ЕС не получают от стран членов части их суверенных прав, но могут качественным образом влиять на политическое поведение государств через участие в механизмах согласования интересов. Институты европейской интеграции и их политика рассматривается странами членами как независимый носитель неких общеевропейских ценностей, не подверженных внутри государственной политической конъюнктуре.

«Однако интеграция, - пишет М.А.Хрусталева проявляет себя и негативно и позитивно. Негативная интеграция повышает накал конкуренции, в том числе (в какой то степени) и на рынке труда. Негативная интеграция исходит непосредственно из постулатов неолиберальной идеологии, которая требует сокращения масштабов социальных выплат и максимального отстранения государств от политического вмешательства в функционирование рынка. При этом национальная принадлежность, сохраняемая в форме гражданства, превращается в средоточие борьбы за индивидуальные права, в ходе которой национальное гражданство, (подобно кровному родству в предшествующие эпохи) становится принципом исключения. К нему прибегают

¹ Ланцов С.А., Политология. М., 2011, стр. 115-118

и из сугубо корыстных побуждений, чтобы отказать в правах тем, кого все еще можно более или менее убедительно представить в качестве «Другого».

Роль наднациональных институтов в контексте негативной интеграции состоит в том, чтобы не позволять государствам вмешиваться в функционирование регионального рынка ради поддержания равных для всех экономических акторов конкретных условий. Государства при этом еще выступают как участники политической интеграции, но выстраивания общей, многоуровневой региональной политической системы не происходит. Наднациональность как политическое качество остается целью сугубо вспомогательной. Она существует «над» национальным государством в образе инспектора, рефери, арбитра, который, однако, не вмешивается в процессы, происходящие на внутривнутриполитических площадках каждой из стран».²

Общая европейская валюта (евро) относится к проявлениям негативной интеграции. Европейская модель единой валюты не предполагает введение в действие инструментов, помогающих отдельным государствам – участникам валютного союза справляться с экономическими шоками, особенно болезненно их поразившими. В принципе это составляет серьезную проблему: в известном смысле страны ЕС «брошены» один на один со своими специфическими экономическими трудностями. В их распоряжении уже нет регулирующего механизма обменного курса, и они ограничены в использовании фискальных инструментов. При этом переток рабочей силы (тем более ввиду сохраняющихся культурных различий и нарастающей ксенофобии в Европе) вряд ли окажется столь динамичным и пластичным, чтобы в равной степени обеспечить всем странам ЕС «мягкую» адаптацию к меняющимся экономическим условиям.

«В случае с позитивной интеграцией государства, - отмечает М.Хрусталева, – участники должны приводить внутренние механизмы в соответствие с моделью, которая задается в наднациональных политических решениях. В Европейском Союзе примеры позитивной интеграции можно найти прежде всего в области защиты прав потребителей, охраны окружающей среды и безопасных условий труда. Позитивная интеграция в большей мере социально ориентирована. Она представляет собой системы регулирующих импульсов, устанавливающих стандарты в отношении товаров, производства, условий труда и охраны окружающей среды, исходящие из того, что признано считать общественным благом. Настаивая на внимании к проблемам, связанным с социальными сторонами охраны условий труда, окружающей среды, здоровья и занятости, ЕС вторгается, хотя и робко, в те сферы, которые в противном случае оставались бы вообще без всякого внимания со стороны отдельных прави-

тельств».

ЕС запрещает оказание прямой государственной поддержки «собственным» отраслям промышленности и компаниям. Национальное регулирование и национальная политика не исключаются полностью, но ограничиваются в наиболее чувствительных аспектах. Политика ЕС исключает возможность одних стратегий по отношению к глобализации, но допускает возможность других. Однако выбор в пользу интеграции в принципе, согласие с политикой европеизации подразумевают сами по себе готовность участвовать в интенсивных глобализационных процессах. Искать даже теоретические альтернативы ей кажется европейцам неосторожным и излишним, особенно ввиду их собственных разногласий в оценках успешности сугубо европейских стратегий регионального регулирования».³

Если же рассматривать интеграцию как проект, который компенсирует утрату рычагов управления в национально-государственных рамках, то она таит в себе угрозу недемократичного и нелегитимного доминирования крупных и развитых европейских стран над остальными – как вошедшими, так и не вошедшими (пока) в его состав. С европеизацией, таким образом, связаны две опасности: слабость наднационального управления и наднациональное управление несправедливое и недемократическое.

В сфере международной политики за пределами собственных границ ЕС особенно эффективен, когда он может использовать невоенные инструменты внешней политики, основанные на экономической мощи. Здесь подразумеваются: возможность доступа продукции из третьих стран на европейский рынок, предоставление бюджетных средств на разнообразные программы, привлекательность Европейского Союза в роли сообщества, выстроенного на общих ценностях, а также способность навязывать заинтересованным странам собственные условия присоединения к ЕС. В то же время Евросоюз бывает довольно слаб, когда нужно быстро реагировать на чрезвычайные международные события и требуется отстоять мнение, отличное от позиции США (по вопросу, в котором Вашингтон может быть «особо заинтересован»), или когда расходятся интересы его собственных участников.

Европеизация затрагивает не только страны, непосредственно участвующие в ЕС. Она влияет и на государства, которые хотели бы присоединиться к Евросоюзу, а также на страны, находящиеся с ЕС в разных формах ассоциации и партнерства. Вокруг Европейского Союза множатся «пространства», им же порождаемые.

«Расширение политического пространства интеграции ставит в особенно невыгодное положение те страны, которые уже зависят от принимаемых в Брюсселе решений, но еще не способны стать полноценными партнерами ЕС. Для них Европей-

² Современная мировая политика. М., 2009, с.542-543

³ Современная мировая политика. М., 2009, стр.544-546

ский Союз - «неоимперия», которой им предлагают пассивно довериться.

14 июня 1993 года на саммите в Копенгагене Европейский совет утвердил набор критериев для стран – кандидатов на вступление в ЕС. 16 июля 1997 года Европейская комиссия разделила страны ЦВЕ и Балканского полуострова на три группы и наметила график их вступления в Евросоюз. Вариантом такой политики стала демократизация стран ЦВЕ. Механизмом контроля над этим процессом стала принятая в январе 1994 года программа НАТО «Партнерство ради мира». Она была призвана повысить оперативную совместимость вооруженных сил стран альянса и государств-партнеров для проведения совместных операций. Их проведение требовало реформ министерств обороны, генеральных штабов, министерств финансов и системы бюджетного планирования. Большинство этих рекомендаций было выполнено, и к 2004 году страны ЦВЕ были приняты в НАТО.

Пытаясь достичь «Копенгагенских критериев», правительства этих государств проводили политику приватизации и сокращения бюджетного дефицита в соответствии с рекомендациями Международного валютного фонда (МВФ) и Мирового банка (МБ). Одновременно они поощряли развитие многопартийной системы. Но страны Евросоюза не протестовали против проводившейся в бывших коммунистических странах люстрации и не ставили вопросы о положении этнических меньшинств (русского населения стран Прибалтики). Вступление этих стран в ЕС в 2004 году было авансом на приведение в будущем их законодательства в соответствие с правозащитными стандартами Евросоюза.

Новым вариантом этой политики, возможно, стало разработанная странами ЕС в мае 2008 года программа «Восточное партнерство». Официально она представляет собой план развития отношений Европейского Союза с шестью республиками бывшего СССР. Речь идет об упрощении визовых процедур, введении режима свободной торговли и заключении соглашений о стратегическом партнерстве между участниками проекта и ЕС. Но реализация этой программы потребует реформы финансово-экономической политики стран-партнеров. Без наличия специального секретариата процесс проведения реформ пограничных и таможенных служб участников программы будет контролироваться непосредственно Европейской комиссией».⁴

Европейский Союз, выступая от лица Европы в целом, тоже примеривает на себя роль субъекта управления глобализацией. Свое преимущество в сравнении с американцами европейцы в данном отношении зачастую склонны усматривать в том, что в качестве средства принуждения они больше

опираются на «мягкую силу», тогда как США – на «жесткую». Но подобное преимущество не стоит принимать на веру. Полезнее было бы в нем усомниться.

«Во-первых, Европейский Союз просто не располагает «жесткой силой» в масштабах, сопоставимых с военными возможностями США. При этом ЕС в принципе явно не прочь был бы нарастить собственную военную мощь, и в случае успеха на этом пути ничто не исключало бы возможности его перехода к более жестким формам давления на внешних оппонентов.

Во-вторых, европейская позиция может быть расценена даже как более уязвимая с морально-этической точки зрения, нежели американская. Если США давят на внешних оппонентов со всей откровенностью, то ЕС пытается добиваться того же, но исподтишка, украдкой, то есть поведение европейцев в известном смысле выглядит более фальшивым.

В-третьих, даже признавая бесспорными достижения ЕС на ниве содействия модернизации различных стран, заявку такого бюрократического органа, как Европейская комиссия, на роль глобального «демократизатора» трудно воспринимать всерьез в силу несоответствия политической системы ЕС глобальной модели демократического государства.

В-четвертых, убеждение как метод воздействия ЕС на третьи страны действует все же довольно слабо на тех, кто по тем или иным причинам не видит для себя реальной перспективы вхождения в круг непосредственных участников Европейского Союза.

Таким образом, попытки ЕС использовать на практике возникающие каналы глобальной коммуникации для экстерриториального стратегического манипулирования своими партнерами, в конечном счете, способны скорее дискредитировать и тем самым ослабить эффективность таких важных элементов глобального управления, как интеграция и вовлечение. Целесообразны усилия, направленные на подлинную демократизацию международной сферы, включая возникающие в ней интеграционные пространства».⁵

Трудности Евросоюза, связанные с распространением интеграции из сферы экономики в сферу социальных отношений и формирования «единого этноса» известны. Бурный рост межэтнических трений в ЕС в последние годы оттеняет относительность и условность выделения интеграции в социальной области как базового и обязательного параметра интеграции. Сделанная несколько десятилетий назад заявка Западной Европы на социальную интеграцию сегодня может выглядеть в лучшем случае как «забегание вперед». В ином случае она предстает воплощением сугубо эмпирической стратегии в основе которой – не научная теория, а ситуативная констатация – учет всего лишь этнодемографического состава западноевропейских

⁴ Современная мировая политика. М., 2009, с.68-70

⁵ Современная мировая политика., М.,2009, стр.548-552

стран в 1960-1970-х годах и преобладавших тогда миграционных тенденций.

В Европе, сегодня происходит возрождение интереса к национальному государству сквозь призму проблем, с которыми сталкивается сегодняшняя Европа. Проблемы нации и национализма становятся одними из самых главных и значимых для многих европейских государств, в первую очередь – западных.

Прошедшие выборы в Европарламент и оправдание экспертных прогнозов показали настоящую актуальность проявления данного феномена: по всей Европе отмечено усиление ультраправых и получение ими значительно большего количества мандатов по сравнению с прошлым выборами в Европейский парламент: например, Национальный Фронт Франции во главе Жан-мари Ле Пена в этот раз получил целых 24 мандата. На этом фоне можно отметить малый, но все же успех Национал – демократической по-существу, фашистской партии Германии. Вопросы, на которые апеллировали и обращали внимание ультраправые в своих избира-

тельных компаниях – все те же: проблемы связанные с процессами глобализации, европейской интеграции, национальной идентичности, огромными миграционными потоками, безработицей. Важным встает вопрос о том, какие факторы оказывают влияние на сегодняшнюю столь огромную популярность ультраправых в европейском регионе. Из всей совокупности факторов, можно выделить следующие:

Во-первых – это «ядро», к которому главным образом апеллирует ультраправые – национальная идентичность суверенитет национального государства, у титульных наций.

Во-вторых, следует отметить огромные миграционные потоки в страны Европы, и связанные с ними проблемы, которые обострились очень явно в последнее время. Правые радикалы выступают за значительное сокращение миграционных потоков и выстраивание жесткой миграционной политики.

Рецензент: д.полит.н., профессор Донобаев А.